

Валерий Сорокин

ОТКРОВЕНИЯ
иолиглoтa-ефрейтoра
ракeтной армии
60-x

Москва
2013

ББК 84(2РОС=РУС)6

С65

Сорокин, В.В.

С65   Откровения полиглota-ефрейторa ракетной армии шестидесятых
[Текст] /Валерий Сорокин; ил. С.С. Згода. – М.: ООО «АИР», 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-9904222-2-3

ISBN 978-5-93271-677-9

В настоящей книге, автор которой – полиглот-переводчик и преподаватель иностранных языков – в простой и увлекательной форме рассказывает, как довольно поучительно и интеллектуально напряженно прошли годы его службы в советских Вооруженных Силах, где он сначала противился армейским служебным устоям, а потом быстро перестроился и обратил пребывание в солдачине себе на пользу, призвавшись на службу со знанием трёх иностранных языков, а демобилизовавшись уже со знанием пятнадцати, встав тем самым на путь полиглотства. Автор описывает служивых людей – офицеров и солдат подразделений связи ракетных войск, особенности их отношений и быта армейской жизни 60-х годов XX века.

Для широкого круга читателей.

ББК 84(2РОС=РУС)6

ISBN 978-5-9904222-2-3
ISBN 978-5-93271-677-9

© В.В. Сорокин, 2012.

© С.С. Згода иллюстрации, оформление, 2012.
© ООО «АИР», 2013.

Кто они, эти военные, в моей доармейской жизни?

«Надо писать о том,
Чего большие не будет.
Надо спасать то,
Что другой позабудет»

поэт Владимир Соколов

Уже почти полвека отделяет меня от того момента, когда не по собственному желанию пришлось отправиться в наши доблестные Вооруженные силы на целых три года. А если внимательно разобраться, то этот срок не такой уже и маленький и через него проходит немалый срез нашей, как мужской, так и женской жизни.

За эти три года произошло множество всяческих событий, как в жизни общества, так и в личной жизни, и я посчитал, что неоже было бы оставлять их в забвении, равно как и тех ребят, солдат и офицеров, которые прошли горнило Вооруженных Сил тех лет. Это было некое межсезонье между Карибским кризисом 1962 года, после которого многих военнослужащих-срочников держали на службе еще по полгода, и чехословацкими событиями 1968 года, когда армия была приведена в состояние настоящей боеготовности. Мне захотелось продемонстрировать армию не с парадного входа, а изнутри, рассмотреть взаимоотношения, как между самими военнослужащими срочной службы, так и их отношения с офицерами и сверхсрочниками, немного показать, как мы жили, отдыхали, бегали по самоволкам, что изучали, что ели, пили, пели и т.д. Мне видится, что мною было совершено путешествие в армию длиной в три года. Думаю, что история нашей страны не останется неблагодарной ко мне за ту небольшую лепту, которую я попытался внести в её анналы.

Так вот было мне тогда, в 1963 году, девятнадцать лет, и являлся я в то время студентом первого курса московского ГЦОЛИФКа – Государственного центрального ордена Ленина института физической

культуры. В тот период забирали в армию практически всех подряд, в том числе и студентов, по третий курс, включительно, за исключением нескольких вузов типа МГУ, МВТУ, МФТИ, МИФИ. Сам я родился в предпоследний год ВОВ на диком Крайнем Севере, в недрах пресловуто печального Норильлага. Первоначальное знакомство с реальной армией получил в 1952 году, когда первые свои школьные зимние и летние каникулы проводил у тетки в подмосковном Алабино, где была расквартирована знаменитая Таманская дивизия, в которой служил лейтенантом её супруг, Пётр Иванович, а для нас, естественно, дядя Петя, и лет ему было в ту пору – 33. Безусловно, там, в гарнизоне, ребятам было очень интересно. В окрестных лесах то и дело встречалось множество следов минувшей войны в виде различного раскуроченного стрелкового оружия, боеприпасов и военной амуниции, а одной из основных «игрушек» для небольшой группы ребят моего окружения был большой настоящий фашистский танк со свастикой, правда без пушечного дула, хотя вся внутренняя «начинка» присутствовала. Иногда нам удавалось пробираться на стрельбище, где почти ежедневно проводились стрельбы из пулеметов, и одной из мишеней был также большой немецкий танк. Пару раз стрелявшие солдаты позволяли мне нажимать на гашетку пулемета, но своих силенок было еще мало, и выстрел происходил только тогда, когда солдат нажимал своей ладонью на твою руку, находившуюся на гашетке дегтяревского пулемета. В то лето 1952 года доводилось видеть, как иногда удаляют людей из разных построек в посёлке, после того как выяснялось, что там поблизости в земле находятся не взорвавшиеся бомбы военного времени. Однажды приехала военная команда выселять из землянки старушку, а я затаился в полуразрушенном доме буквально в десятке шагов. Пронаблюдал за всем процессом извлечения и погрузки огромной, в человеческий рост, не разорвавшейся бомбы, естественно, ни коим образом не осознавая при этом, что после её срабатывания писать данные строчки было бы уже некому, то есть, страха никакого не было, а исключительно любопытство.

Мой дедушка по материнской линии успел послужить и в царской, и в Красной армиях. В царской служил в 1916 году в Орле в каком-то резервном полку. Потом в 1920 году был призван в Красную армию и служил в Москве в подразделении самокатчиков. Самокатчики были вооружёнными людьми, передвигавшимися на велосипедах.

Дедушка развозил на велосипеде разную почту по военным организациям Москвы. Когда его призывали, то двигался он на костылях, поскольку до мобилизации перенес брюшной тиф. А поскольку в тот 1920 год в Москве было расстреляно несколько десятков врачей за получение взяток от лиц, желавших отмазаться от службы, то брали всех подряд: и кривых, и косых, и убогих.

Среди родственников моей семьи были и профессиональные военные: младший брат моего деда по материнской линии – Иван Матвеевич – был подполковником – начальником УВД Можайского района Московской области, муж одной из тёлок по отцовской линии был полковником бронетанковых войск – преподавателем Московской бронетанковой академии, а муж другой – подполковником – военпредом на оборонном предприятии.

Как и многие ребята в детстве я любил читать книги о войне и смотреть немногочисленные о ней фильмы, никак при этом не ассоциируя себя с соответствующими героями, хотя в начальном и среднем школьном возрасте мы в своих дворах с удовольствием играли в войну. Отголоском подобных игр был такой случай. Когда мне было четырнадцать лет, в летнее время наша семья отдыхала в популярной подмосковной Салтыковке, в районе которой находилось несколько противовоздушных батарей, содержащих по восемь зенитных пушек. Мне периодически нравилось наблюдать за жизнью, проходящей за колючей проволокой одного из этих пунктов противовоздушной обороны. Затем я со своими однокашниками стал иногда проползать через бреши в колючке на воинскую территорию и, в конце концов, изучив до деталей время и маршруты передвижения часовых, ради «спортивного интереса» вырезали и умыкнули электронный пульт управления батареей, даже не задумываясь о возможных последствиях, к которым могла бы привести подобная операция. Просто, в соответствии с моими расчётами, подобного прокола не могло быть по определению.

В старших классах школы у нас была раз в неделю военная подготовка. Мы маршировали с какими-то деревянными макетами винтовок, изучали устройство противогазов и т.д. Руководил нашей подготовкой отставной майор. Пару раз даже устраивали какие-то соревнования, составной частью которых было пребывание в противогазах в палатке, куда подавался ядовитый газ хлорпикрин. У кого

противогаз был одет неправильно, от газа сразу же начинало захватывать дыхание и жечь глаза так, что приходилось тут же выбегать из палатки. Но всё это больше походило на некую забаву. Реальное же ощущение близости с армией впервые возникло в восемнадцать лет при прохождении призывной комиссии и получении приписного свидетельства, а также направлении военкоматом на обучение специальности радиотелеграфиста. Занятия проводились в одном из районных отделений ДОСААФ (Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту) трижды в неделю часа по четыре. В один из дней давали освобождение от работы, снабжая соответствующей повесткой. Я исхитрялся посещать две группы. Вечером ходил не всегда, а за утренние занятия получал уже не одну, а две повестки, и, следовательно, дважды в неделю на работе мог не появляться. А работал я в это время: с октября 1962 по май 1963 года по профессии выстилальщика кожевенно-мехового сырья на Московском заводе первичной обработки кожевенного сырья вблизи Калитниковского кладбища. Это было совершенно уникальное предприятие, где из 700 работающих абсолютное большинство было бывшими зеками, отбывшими значительные сроки (до 25 лет) в сталинских лагерях, людьми с каким-то супергигантским человеческим опытом, о котором следовало бы написать, возможно, не одну книгу.

К лету 1963 года присылка мне повесток для посещения военкомата участилась и, наконец, одна из них предписывала явиться 17 июля с вещами, ложкой и кружкой, а также запасом продуктов питания на три дня, на соответствующий призывной участок. Но в это время я в составе команды общества «Буревестник» готовился к Спартакиаде Москвы по академической гребле, и срываться с этой подготовки не было абсолютно никакого желания, к тому же официального призыва в армию ещё не было (это обычно происходило в первых числах сентября за подписью министра обороны). Ещё не прошли вступительные экзамены в институт, куда я за два года, прошедших после окончания школы, не удосужился поступить, поэтому данное приглашение я решил проигнорировать. Выступив на Спартакиаде Москвы в классе парных двоек и заняв четвёртое место среди шести клубов (что для нас было вполне подходящим результатом, поскольку среди первых трёх призеров были и олимпийские чемпионы, и чемпионы СССР), я отправился в пароходную поездку по реке

Оке с целью отдыха и посещения некоторых друзей, с которыми хотел проститься перед возможной долгой армейской разлукой.

Далее, до осени, присылка повесток прекратилась. Я успел успешно сдать вступительные экзамены и стать студентом педагогического факультета ГЦОЛИФКа. Сначала это было отделение тяжёлой атлетики, поскольку не набиралась группа гребцов, но через месяц группа гребцов была всё-таки сформирована, и я оказался в ней. Летом и осенью я, и мои друзья-гребцы, которым предстояло идти в армию, налаживали контакты с тренерами Центрального спортивного клуба ВМФ с тем, чтобы службу проходить в спортивном подразделении. У меня был первый разряд по академической гребле, и на моем военкоматовском деле даже было так и написано: направить в СКА МВО – первый разряд. Прошло почти три месяца учёбы в институте, и вот, наконец, повестка на 29 ноября 1963 года. Правда, когда я её получал, между двумя офицерами военкомата возник спор, где были такие тирады: – Куда его (то есть меня) брать? Он же слепой. – Какой же он слепой, если он без очков? Зрение у меня действительно было нарушено. Но повестку всё же мне всучили. Откручиваться уже было некуда, желания большого предаваться службе тоже не было, но светила туманная возможность продолжить в армейских условиях занятия своим любимым видом спорта, по крайней мере, чему в итоге, правда, не суждено было сбыться по определённым, не от меня зависящим причинам.

В ноябре состоялось несколько проводов в армию друзей и однокурсников (я там играл на аккордеоне и гитаре). Во второй половине ноября на занятия в институте я уже приходил мало, свободными вечерами посещал излюбленные московские рестораны, среди каковых числились «Узбекистан», «Будапешт», «Арагви» и «Баку» с их превосходной национальной кухней, будто предчувствуя близкий переход в недалеком будущем на баландообразное питание.

Уход в бритоголовые и учебка

Но и всё-таки как-то не верилось в предстоящий в ближайшее время отъезд из отчего дома. Правда, после того как 26 ноября в военкомате мне была вручена повестка на 29 ноября о явке с вещами, в институте пришлось написать заявление об отчислении в связи с призывом в армию (с правом последующего восстановления). Накануне отправки я пришел с моим другом по спорту Валькой Якобсоном в дом к нашему общему товарищу Володьке Пухову, который жил у Курского вокзала в коммуналке с огромной кухней, в которой постоянно собирались его друзья и ребята со двора и горланили популярные в то время песни под гитару. Сначала в тот вечер разговор об армии не заводили, пели песни, что-то жевали. Обычно в его семье на плите стояла десятилитровая кастрюля со щами, здоровая сковорода с жареной картошкой, и такая же сковорода с мясокомбинатовскими котлетами (впрочем, довольно вкусными). Я тоже пытался что-то наигрывать, поскольку чуть-чуть начал извлекать реальные аккорды всего неделю назад (во время проводов одного из друзей в армию). В общем, всем было весело. И тут, в разгар тусовки, мой друг Валька заявляет: – А вы знаете, что вот мы здесь веселимся, а человеку (то есть мне) уже завтра придется начинать тянуть армейскую лямку? Тут буквально всех как-то прорвало: – Как это? Надо же устроить проводы. Начали скидываться, кто сколько имел. Послали гонца на соседний Межреспубликанский винный завод. Сейчас там находится выставочный зал, а тогда заводская охрана делала свой мелкий бизнес, приторговывая производимым на этом заводе

